

В.И.Кулаков

ПЛЕТЁНЫЙ ОРНАМЕНТ В ДРЕВНОСТЯХ ПРУССОВ

Впервые в отечественной науке рассматривается один из вариантов прусского орнамента, представленного косицеобразными плетениями. Он появляется на украшениях в VI в. и доживает до финала эпохи викингов. Прускими мастерами XIV в. плетёный орнамент был уже прочно забыт и отсутствует на их творениях.

Проведённый в статье анализ прусского плетёного орнамента позволяет кратко изобразить историю его развития. Первые в древностях пруссов образцы плетёного орнамента представлены на импортных оковках питьевых рогов второй пол. VII в. Несколько ранее такой декор появляется на пальчатых фибулах типа *Wolfskehlen* на западе Мазур. В древностях Самбии X в. представлены подковообразные фибулы импортного происхождения, дуги которых украшены косицеобразным декором. Судя по нахождению этих застёжек в скандинавских курганах могильника Кауп, такой орнамент не использовался пруссами. Впервые собственно прусские плетёные изображения (не полосы орнамента, а одиночные фигуры) появляются в середине X в. на подвесках конского оголовья. Эти артефакты можно считать первыми воинскими знаками Европы, обозначавшими принадлежность их владельцев к местной дружине. Главный признак прусской «плетёнки», имитировавшей скандинавские фигуры, выполненные в стиле Еллинг — одиночный узел. В XI в. археологический материал Самбии позволяет полагать наличие на Янтарном берегу на финальной стадии эпохи викингов как скандинавских мастеров, изготавливавших изделия с многоузловой «плетёнкой», так и прусских ювелиров, придерживавшихся в изготовлении плетёных композиций местной «одноузловой» традиции. В XII в. производство плетёных композиций прусскими (да и скандинавскими) мастерами в юго-восточной Балтии прекращается.

В итоге следует признать факт возникновения плетёных орнаментов в прусском декоративном искусстве постоянным влиянием скандинавских традиций. С прекращением контактов между населением северных и южных берегов Балтии после эпохи викингов попытки прусских мастеров имитировать социально и художественно престижные скандинавские орнаменты уже не актуальны. Скандинавские мотивы в прусской художественной традиции (пожалуй, за исключением приёмов плакировки металлических изделий) исчезают. Кстати, та же тенденция видна и на примере прусских дериватов скандинавской *militaria*.

Ключевые слова: Балтия, эпоха Великого переселения народов, эпоха викингов, пруссы, орнамент

На этапе распада родо-племенных отношений в самых разных уголках нашей планеты, в том числе — на Американском и Африканском континентах возникают орнаменты симметричной композиции. В массив таких орнаментов входит орнамент, составленный из переплетённых на манер косицы полос, в археологическом лексиконе именуется «плетёным» (нем. *Bandomament*). Плетёный стиль (шведск. *Bandstil*) возник в североευропейском декоративном искусстве VII—VIII вв. [1] как деградированная форма II Общегерманского звериного стиля, отражающая восприятие жителями севера Европы диалектики окружающего их мира. Позднее, в эпоху викингов плетёный орнамент является результатом слияния элементов стиля Еллинг и стиля «Большого Зверя» [2], представляя собой в значительной степени стилизованные композиции, возникшие из переплетённых тел зверей / птиц / людей. Семантически обозначая древнегерманские представления о диалектическом единстве окружающего мира, образцы плетёного орнамента уже с Меровингского времени распространялись в виде матриц в различных регионах континента [3].

В изучении раннесредневековых древностей Восточной Европы археологи значительно продвинулись в анализе плетёного орнамента, выяснив, в частности, что он был наиболее популярен (во всяком случае — в Нижнем Поволжье) вместе с циркульным декором на костяных накладках [4]. В балтийской археологии такой орнамент особого внимания археологов не привлекал.

Ранее автором этих строк было выдвинуто предположение о том, что ведущей декоративной композицией западнобалтского искусства I тысячелетия н.э. является орнаментальная полоса, имевшая несомненно культовое значение преграды воздействию на обладателя орнаментированного предмета враждебных человеку мистических сил [5].

Примечателен факт обнаружения такого же источника у монгольского плетёного орнамента, восходящего к плетёным застёжкам-завязкам, являющихся «...пожеланием богатства, счастья и благоденствия» [6].

Один из первых в европейской археологии раннесредневековых образцов плетёного (косицеобразного) декора представлен на южной границе прусского племенного ареала на пластинах пальчатых фибул типа *Wolfskehlen*, причём упомянутый декор считается формой «более или менее стилизованного звериного стиля II» [7]. Фибулы упомянутого типа фигурируют в составе погребального инвентаря на могильниках западной части Мазурского Поозерья на завершающем этапе эпохи Великого переселения народов. Там же на могильнике *Daumen / Tumiany* в погр. Da-147 была обнаружена пара лангобардских серебряных с золочением фибул типа *Montale-Weimar*. На их верхней пластине миндалевидной формы работавший в Подунавье в сер. VI в. златокузнец попытался представить структурно непонятую им плетёную маску зверя, в некоем прототипе

представленную в I Общегерманском зверином стиле, что привело к появлению почти полностью бессмысленной фигуры с одним узлом плетения [8].

Древнейшие образцы плетёного орнамента в земле пруссов известны по находкам серебряных оковок культовых / статусных питьевых рогов, обнаруженных при раскопках погребений второй пол. VII в. на могильнике Neuendorf / Nowinka (gm. Elbląg, Polska) [9]. Три полосы декора, охватывающие серебряную оковку устья рога, составлены из «косиц», сплетённых из двух лент. Так как аналоги этим артефактам в прусском археологическом материале отсутствуют, можно предположить импортное (скандинавское?) происхождение подобных рогов в материале юго-восточной Балтии.

Первыми серийными образцами плетёного орнамента в племенном ареале раннесредневековых пруссов является декор на подковообразных фибулах вар. Andersson TRA:HRA (рис. 1), датируемые X в. [1, p. 72].

Такие фибулы производились на Готланде и, возможно, в восточной части Балтии, поступая на Самбию посредством куршей. Плетёный орнамент, украшавший дуги фибул, был изготовлен в восковой форме, после остывания модели углублён резцом. В местах пересечения лент «плетёнки» для создания объёмного эффекта сверлом делались небольшие углубления. Плетёный декор, целиком или частично покрывающий корпус фибул вар. Andersson TRA:HRA и близких к ним застёжек, имея полную аналогию в упоминавшейся выше привозной в ареал пруссов оковке устья рога из могильника Neuendorf / Nowinka, мог выполнять мистически охранную функцию, в ежедневном обиходе осуществлявшуюся плетёной лентой (прусс. *saninsle*), по данным исторической этнографии игравшей важную роль в уборе балтов. Однако прусское происхождение такого орнамента хотя бы на некоторых из подковообразных фибулах ещё не доказано.

Первым образцом собственно прусской версии плетёного декора можно считать налобную подвеску конского оголовья из погр. Y-91 могильника Yrtekarpiņis / Клиновка-1 (ныне — западная окраина г. Cīrāz / Зеленоградск), датируемого сер. X в. Здесь прусский мастер создал миндалевидную композицию, в центре которой представлены изображения двух сопряжённых фигур (обе заплетены в виде триплетов — рис. 2). Данный предмет напоминает миндалевидные подвески из погребальных уборов женщин печенегов [10]. Так как подвеска из погр. Y-91 не находит прямых аналогий вне Самбии, следует признать её местное происхождение. Мастер этой подвески осуществил плетение двух упомянутых фигур (очевидно, имеют некое культовое значение) в рамках скандинавского стиля Еллинг. В пределах этой композиции имеется несколько узлов, что больше никогда не встречается в прусском декоративном искусстве, но вполне характерно для скандинавской художественной традиции. Так, например, известен открытый М.Найссом [11] феномен копирования восточноевропейскими ювелирами X в. сложной многоузеловой композиции в стиле Еллинг, ставшей центральной на некоторых «знаках Рюриковичей» (рис. 3).

Прусским мастерам эта сложная работа, очевидно, не удавалась, поэтому, создавая фигуру первого в истории Европы воинского знака для членов самбийской дружины, местные ювелиры упростили скандинавский образец в виде фигуры сложно заплетённой в стиле Еллинг птицы (рис. 4,1) и на своей реплике пернатой фигуры ограничились лишь одним узлом (рис. 4,2). Правда, этот узел является ведущим в данной фигуре, передавая место соединения плечевых мускулов и крыла кречета, которое обеспечивает мощь его полёта. Даже небалтские мастера, украшавшие по определённым причинам (например — заказ от знатного балтского дружинника) свои дорогостоящие изделия воинским прусским знаком, всегда соблюдали правило одного узла (рис. 5).

Также единственный узел присутствует на фигуре божества (?), сопровождаемого двуглавым драконом (рис. 6), являясь, очевидно, балтской версией языческого канона «Один и вóроны».

При этом наконечники ножен мечей, на которых представлен балтский вариант «Одина», являются очевидными репликами (правда — довольно далёкими от оригиналов) соответствующих по принадлежности скандинавских изделий.

Имеются случаи взаимовстречаемости в одном погребальном комплексе на накладках к ремням конского оголовья образцов плетёного декора с одним узлом, имеющего при своей очевидной простоте прусское происхождение (рис. 7, В, K72) и сложных конструктивно многоузелковых фигур, изготовленных в стиле Еллинг скандинавскими резчиками по кости (рис. 7, А-Г, Д).

Очевидно в нач. XI в., времени создания упомянутых накладок из погр. K39a могильника Малый Кауп, воины Самбии одновременно могли заказать детали убранства своего коня как местным, так обитавшим в округе Каупа скандинавским мастерам. На упомянутом могильнике есть погребальные комплексы, содержащие изделия только прусских мастеров. С одной стороны, эти творения безвестных резчиков отличаются простотой и угловатостью линий (рис. 7, K34), с другой стороны, из-под их резцов выходили изображения людей (рис. 7, K70), также снабжённые единственным декоративным узлом.

В прусском археологическом материале X—XI вв. редки примеры длительной деятельности скандинавских мастеров. Они известны лишь в материале грунтового могильника Dollkeim / Коврово и представляют собой серию накладок, в стиле Еллинг изображавших некое насекомое, напоминающее муху. В материалах упомянутого могильника известны минимум три фазы деградации таких накладок (рис. 8, 1-3), приходящиеся на кон. X — нач. XI вв.

Надо полагать, что эти изображения различаются между собой лишь несколькими годами. Современный исследователь скандинавского духовного наследия Ф.Б.Успенский пишет: «...муха, насколько мы можем судить, не имеет здесь (в скандинавском героико-эпическом бестиарии — К.В.) сколько-нибудь

самостоятельного статуса, не наделяется она и какими-либо геральдическими функциями в позднейшей традиции» [12]. К счастью, московский историк ошибся, детали воинского снаряжения дружинников Самбии дают нам целую серию изображения мухи, сакральный смысл которых вполне допустим. Более того, изображение некоего насекомого на щитовидной подвеске из погр. К34 могильника Малый Кауп (рис. 9, внизу) ранее я считал изображением пчелы, весьма почитавшейся пруссами [13]. Оставляя эту интерпретацию как вариант, многоузловое изображение насекомого из погр. К34 явно относится к продукции скандинавских мастерских и может изображать прото-геральдический символ Мухи Победы.

Прусские плетёные изображения с одним узлом известны не только на Янтарном берегу, но и в Центральной Литве, куда на рубеже XI—XII вв. устремились воины самбийской дружины [14]. На держателе ремня стремени из погр. 64 могильника Veršvai балтский мастер в технике таушировки не совсем умело попытался воссоздать некий скандинавский образец фигурки дракона (?), выполненного первоначально в стиле Еллинг (рис. 10, 3, 4). Плетёный крест на боковой пластине ступеньки этого стремени также выглядит как не совсем уверенная работа (рис. 10, 2). Тем не менее пруссы на финальной стадии эпохи викингов могли наблюдать на стремених своих современников и довольно сложные плетёные фигуры, исполненные, очевидно, иноземными мастерами (рис. 10, 5).

Эти мастера оставили довольно значительное количество реплик скандинавского декора, в частности — таушированный пламевидный орнамент в стиле Рингерике на втулках наконечников копий.

В XIV в., уже под властью администрации Тевтонского Ордена, прусское изобразительное искусство переживает очередной и, к сожалению, последний свой взлёт. Причины этого триумфа западнобалтских изобразительных традиций в Янтарном крае, при формальном господстве христианской идеологии сохранивших свою традиционную культовую сущность, ещё ждут своих исследователей. Однако важно отметить: плетёный орнамент прусскими мастерами XIV в. был уже прочно забыт и отсутствует на их творениях.

Итак, проведённый в статье анализ прусского плетёного орнамента позволяет таким образом кратко изобразить историю его развития:

1. Первые в древностях пруссов образцы плетёного орнамента представлены на импортных оковках питьевых рогов второй пол. VII в. Несколько ранее такой декор появляется на пальчатых фибулах типа *Wolfskehlen* на западе Мазур, заселённом одним из балтских племён (галинды?) — южными соседями пруссов.

2. В древностях Самбии X в. представлены подковообразные фибулы импортного происхождения, дуги которых украшены косицеобразным декором. Судя по нахождению этих застёжек в скандинавских курганах могильника Кауп, такой орнамент не использовался пруссами.

3. Впервые собственно прусские плетёные изображения (не полосы орнамента, а одиночные фигуры) появляются в сер. X в. на подвесках конского оголовья. Эти артефакты можно считать первыми воинскими знаками Европы, обозначавшими принадлежность их владельцев к местной дружине. Главный признак прусской «плетёнки», имитировавшей скандинавские фигуры, выполненные в стиле Еллинг — одиночный узел.

4. В XI в. археологический материал Самбии позволяет полагать наличие на Янтарном берегу на финальной стадии эпохи викингов как скандинавских мастеров, изготавливавших изделия с многоузловой «плетёнкой», так и прусских ювелиров, придерживавшихся в изготовлении плетёных композиций местной «одноузловой» традиции. Как правило, этой традиционной схеме соответствуют одинарные фигуры, такая многократно повторяемая схема выдерживает правило симметрии (в частности — на костяных накладках), тем самым соответствуя общему для многих культур закону «строгой симметрии, регулярного повтора одинаковых узлов и петель» [15].

5. В XII в. производство плетёных композиций прусскими (да и скандинавскими) мастерами в юго-восточной Балтии прекращается.

6. Сакральность прусского плетёного орнамента вполне очевидна прежде всего из-за его сохранения в исторической этнографии жителей Янтарного края вплоть до наших дней. Сходный феномен известен у многих народов Евразии, в том числе — у наших соотечественников [16, 17].

В итоге следует признать факт возникновения плетёных орнаментов в прусском декоративном искусстве под постоянным влиянием скандинавских традиций начиная с эпохи Меровингов. С прекращением контактов между населением северных и южных берегов Балтии после эпохи викингов попытки прусских мастеров имитировать социально и художественно престижные скандинавские орнаменты уже не были удачными. Скандинавские мотивы в прусской художественной традиции (пожалуй, за исключением приёмов плакировки металлических изделий) исчезают. Кстати, та же тенденция видна и на примере прусских дериватов скандинавской *militaria*.

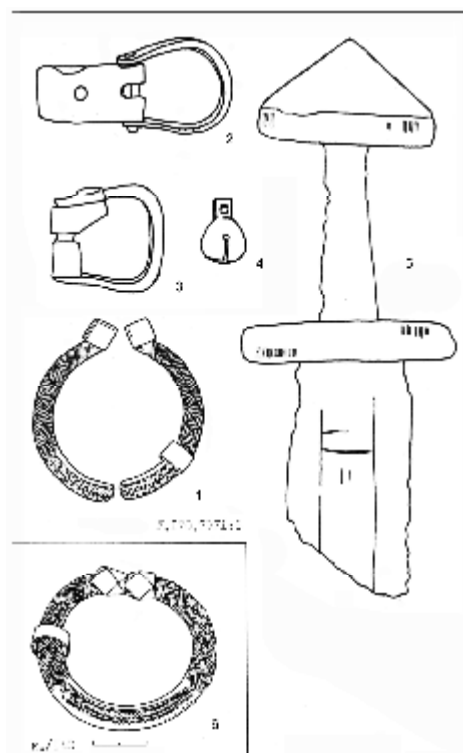

Рис. 1. Подковообразные фибулы вар. Andersson TRA: HRA, обнаруженные на курганном могильнике в уроч. Кауп: 1—5 — погребальный инвентарь кург. Inv. Nr. Prussia-Museum V.170.7971:6 (1 — бронзовая фибула; 2, 3 — бронзовые пряжки; 4 — бронзовый бубенчик; 5 — обломок меча); 6 — бронзовая фибула из кург. K140 [18].

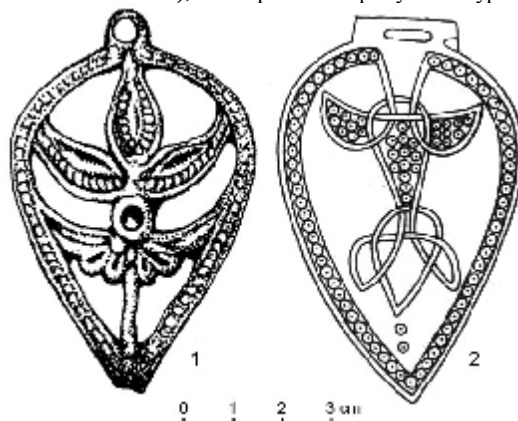

Рис. 2. Миндалевидные подвески в древностях печенегов и пруссов: 1 — бронзовая нагрудная подвеска из женского захоронения в Истрии (Румыния); 2 — железная с серебряным покрытием подвеска конского оголовья из погр. Y-91 могильника Yrzekapinis / Клинцовка-1 [10, рис. 6, 19].

Рис. 3. Варианты изображений миндалевидных фигур и родственных по значению фигур в древностях Скандинавии и Восточной Европы: 1а, 1б — фрагмент серебряной с чернением фибулы из Ельца (Воронежская обл.); 2 — медная подвеска (Черниговская обл.); 3 — медная подвеска (Витебская обл.); 4 — медная подвеска (Велижский р-н Смоленской обл. (1а,1б — [11, fig. 14,b,c]; 2—4 — [20])).

Рис. 4. Изображение птицы в скандинавском и прусском декоративных традициях: 1 — бронзовая фигурка из Нисимковичей (Гомельская обл., Беларусь); 2 — бронзовая с серебрением подвеска из погр. Y-10 могильника Yrzekapinis / Клинцовка-1 (1 — [21]; 2 — [22]).

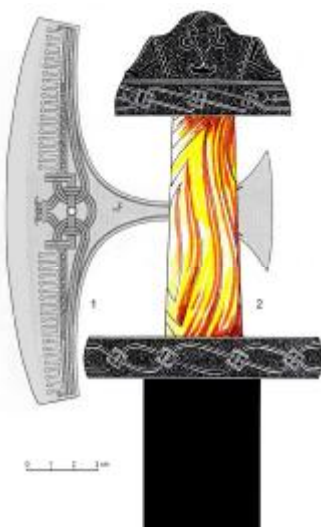

Рис. 5. Реконструкции изображений жертвенных птиц на оружии пруссов и скальвов эпохи викингов: 1 — секира из могильника Laptau / Муромское; 2 — погр. 53 могильника Linkuhnen / Ржевское; (1, 2 — реконструкции автора по [23]).

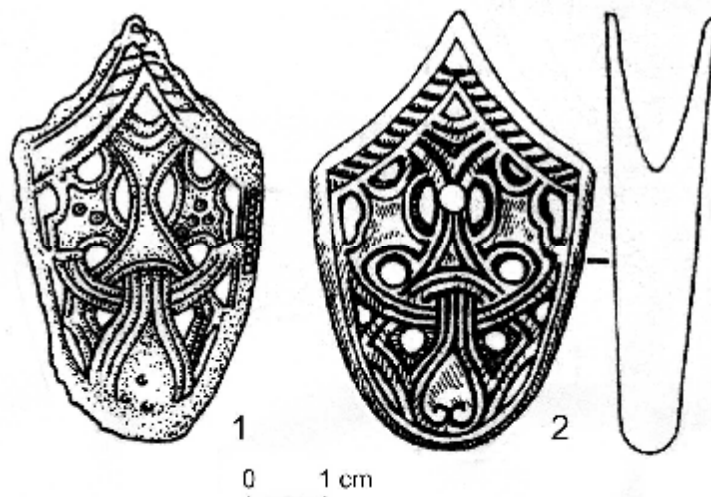

Рис. 6. Фигуры мужчины с руками, упёртыми в бока: 1 — Раскоп III могильника Dollkeim/Коврово; 2 — погр. 117 могильника Yrzekapinis / Клинцовка-1 [24].

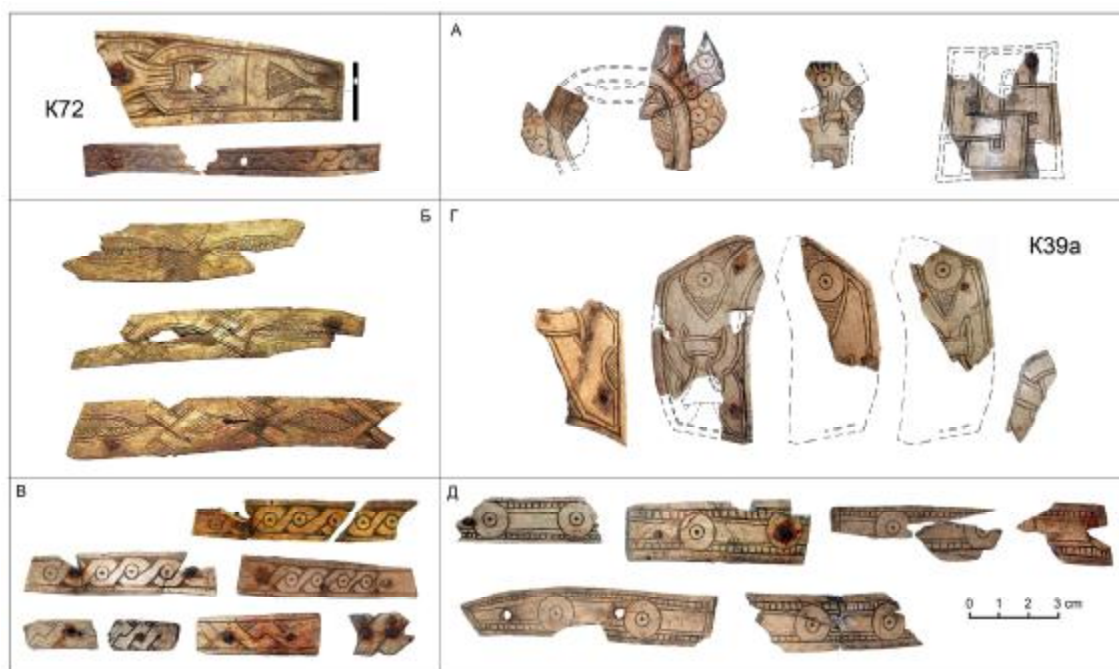

Рис. 7. Костяные накладки из погр. К-72 и К39а могильника Малый Кауп [25]: А — одиночные накладки сложных форм; Б — накладки со свастикообразными узлами; В — накладки с косицеобразным орнаментом; Г — накладки с «птицей»; Д — накладки с циркульным орнаментом.

Рис. 8. Накладки из погр. К70 и подвеска из погр. К34 могильника Малый Кауп [26].

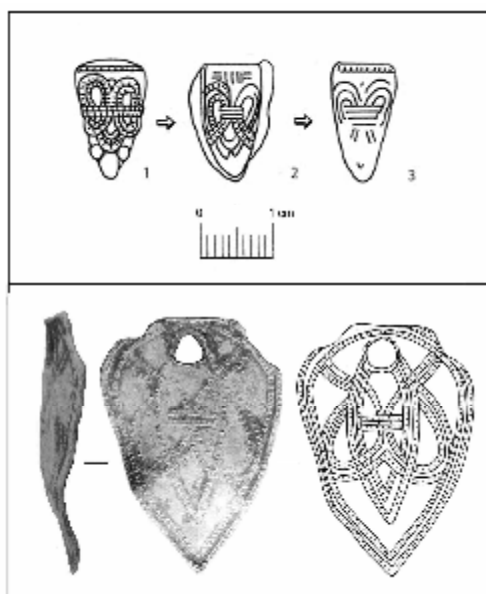

Рис. 9. Изображения насекомых в прусской торевтике эпохи викингов: А — этапы деградации изображения «мухи победы» на деталях конского снаряжения в погребениях могильника Dollkeim / Коврово: 1 — Do-344, 2 — Do-339, 3 — Do-309; Б — «геральдическая» подвеска из погр. К31 могильника Малый Кауп (А — [27]; Б — [13, рис. 6]).

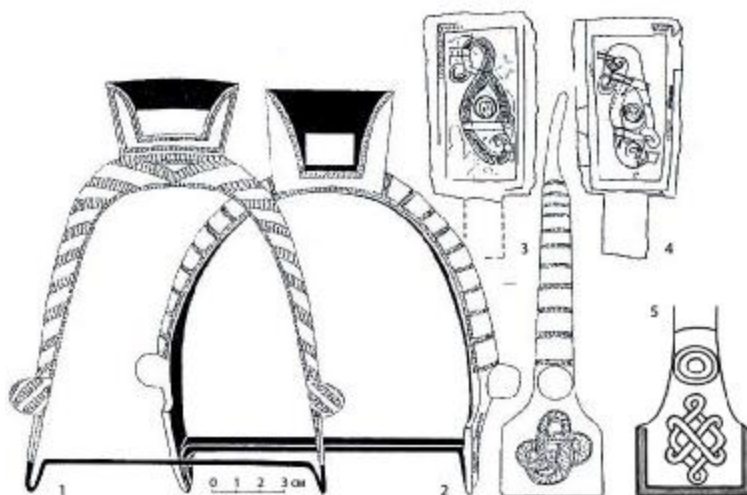

Рис. 10. Реконструкция прусских стремян XI в. и их детали: 1 — Schugsten / Стрелково; 2 — первое стремя из погр. 64 Veršvai, Kauno raj., Lietuva; 3 — держатель ремня второго стремени из погр. 64 Veršvai; 4 — держатель ремня первого стремени из погр. 64 Veršvai; 5 — Kleinheyde, (1—4 — [5, рис. 6]; 5 — [28]).

1. Karlsson L. Nordisk form om djurornamentik. Stockholm: Statens Historiska Museum, 1983. P. 102, 103.
2. Сакса А.И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб: Нестор-История, 2010. С. 120.
3. Werner J. Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt — Wanderhandwerk — Handel — Familienverbindung) // Early Medieval Studies, vol. 1. Antikvariskt arkiv, vol. 38. Stockholm: Bocktyckeri ab Thule, 1970. S. 74.
4. Флёрова В.Е. Орнаментированные костяные изделия Саркела — Белой Вежи: проблемы специализации ремесла // Российская археология. 1998. № 2. С. 91.
5. Кулаков В.И. Стилистика и символика прусского орнамента I—XI вв. // Nuo kulto iki simbolio. Senovės baltų kultūra. T. 6. Vilnius: Academia, 2002. С. 251.
6. Кочева Т.В. О происхождении и особенностях монгольского плетёного орнамента // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2013. № 4(24). С. 64.
7. Hilberg V. Griesheim Grab 400. Die Bügelfibeln der jüngeren Merowingerzeit im Rhein-Main-Gebiet // Reliquiae Gentium. Festschrift für Horst Wolfgang Böhme zum 65. Geburtstag. Teil I. Rahden: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2005. S. 209.
8. Hilberg V. Masurische Bügelfibeln. Daumen und Kellaren — Tumiany i Kielary, Bd. 2. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2009. S. 236. Abb. 7, 19.
9. Кулаков В.И. Питьевые рога балтов с декорированными деталями // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 136.
10. Курта Ф. Образ и археология печенегов // Stratum plus. 2013. № 5. С. 12.
11. Neiß M., Wärländer S., Sholts S. 3D-laserskanning som verktyg vid vikingatidsstudier // Viking. Norsk arkeologisk årbok. B. LXXV. Oslo: Norsk Arkeologisk selskap, 2012. S. 164, 166.
12. Успенский Ф.Б. Под Мухой Победы. Конунг Сверрир и его знамя // Polystorya: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе. М.: Высшая школа экономики, 2017. С. 87.
13. Кулаков В.И. Подвеска с геральдической фигурой из погр. К31 могильника Кляйне Кауп (полуостров Самбия) // Stratum plus. 2012. № 5. С. 292.

14. Кулаков В.И. Прусы (V—XIII вв.). М.: Геоэко, 1994. С. 154.
15. Соколов М.В., Соколова М.С. Декоративно-прикладное искусство. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2013. С. 94.
16. Радчук Е. Секреты русских народных обрядов, одежды и домашней утвари. М.: Издательские решения, 2017. С. 7.
17. Елкина А.К. Исторические и теоретические принципы построения плетеного орнамента [Электр. ресурс] // Художественное наследие. 1983. № 8(38). URL: <http://art-con.ru/node/2982> (дата обращения: 01.06.2019).
18. Kulakov V.I., Syrovatko A.S., Horseshoe-shaped Fibulas with cubic Terminals in Scandinavia, the Baltic and the Moscow Region // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Jg. 36. H. 4. Mainz, 2006. S. 591-597, Abb. 4.
19. Кулаков В.И. Древности пруссов VI—XIII вв. Свод археологических источников. Вып. Г1-9. М.: Наука, 1990. Табл. LXX.
20. Белецкий С.В. Новые находки геральдических подвесок X—XI вв. // *Stratum plus*. 2015. № 6. С. 215-230. Рис. 2. Кат. №№ 146, 158, 162.
21. Шпилёв А.Г. Украшения круга «скандинавских древностей» из Курской области // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск: Курский государственный музей археологии, 2009. С. 232-250. Рис. 2, 6.
22. Kulakov V.I., Markowets M.Yi. Birds as Companions of Germanic Gods and Heroes // *Acta Archaeologica*. Vol. 75. Copenhagen: Blackwell Munksgaard, 2004. P. 179-188. Fig. 3, 5.
23. La Baume W. Zur Technik der Verziehrung ostpreußischer Waffen der Wikingerzeit // *Alt-Preußen*. 6 Jg. H. 2. Königsberg: Prussia-Museum, 1941. S. 22-29. Abb. 2, 3b.
24. Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Перуна / Перкуно // *Российская археология*. 2003. № 1. С. 60-71. Рис. 1.
25. Кулаков В.И. Отчёт о раскопках и разведках, проведённых Балтийским отрядом ИА РАН в 2010 г. на курганном могильнике Моховое, расположенном в лесном урочище Кауп (г. Зеленоградск Калининградской обл.) (Архив ИА РАН).
26. Кулаков В.И. Резная кость могильника Малый Кауп // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Вып. 30. Мінск, 2015. С. 284-292. Рис. 4, 9.
27. Кулаков В.И. Басма в искусстве балтов // *Res Humanitariae*. Vol. XXII. Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 2017. С. 104-124. Рис. 4.
28. Широухов Р.А. Импорты древнерусских типов на территории пруссов в X/XI—XIV вв. // Леонтьев А.Е., Макаров Н.А. (ред.). *Русь в XI—XII вв. Общество, государство, культура*. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 386-412. Рис. 5, 1.

References

1. Karlsson L. Nordisk form om djurornamentik. Stockholm, 1983, pp. 102, 103.
2. Saksa A.I. Drevnyaya Kareliya v kontse I — nachale II tysyacheletiya n.e. Proiskhozhdenie, istoriya i kul'tura naseleniya letopisnoy Karel'skoy zemli [Ancient Karelia at the end of I - at the beginning of II millennium A.D. Origin, history and culture of the population of the chronicle Karelian land]. Sant Petersburg, 2010, p. 120.
3. Werner J. Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt — Wanderhandwerk — Handel — Familienverbindung). *Early Medieval Studies*, 1970, vol. 1, p. 74.
4. Flerova V.E. Ornamentirovannye kostyanye izdeliya Sarkela — Beloy Vezhi: problemy spetsializatsii remesla [Ornamented bone items of Sarkel - Belaya Vezha: problems of craft specialization] *Rossiyskaya arkhheologiya* [Russian Archeology]. *Rossiyskaya arkhheologiya*, 1998, no. 2, p. 91.
5. Kulakov V.I. Stilistika i simbolika prusskogo ornamenta I—XI vv. [Stylistics and symbolism of Russian ornament of the I—XI centuries]. *Nuo kulto iki simbolio. Senovės baltų kultūra*, 2002, vol. 6, p. 251.
6. Kocheva T.V. O proiskhozhdenii i osobennostyakh mongol'skogo pletenogo ornamenta [On the origin and features of the Mongolian braided ornament]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. Istoriya, 2013, no. 4(24), p. 64.
7. Hilberg V. Griesheim Grab 400. Die Bügelfibeln der jüngeren Merowingerzeit im Rhein-Main-Gebiet. *Reliquiae Gentium. Festschrift für Horst Wolfgang Böhme zum 65. Geburtstag. Teil I. Rahden*, Verlag Marie Leidorf GmbH, 2005, p. 209.
8. Hilberg V. Masurische Bügelfibeln. Daumen und Kellaren — Tumiany i Kielary, Bd. 2. Neümünster, Wachholtz Verlag, 2009, p. 236, abb. 7, 19.
9. Kulakov V.I. Pit'evye roga baltov s dekorirovannymi detal'yami [Drinking horns with decorative details of the Balts]. *Istoricheskiy format*, 2017, no. 1-2, p. 136.
10. Kurta F. Obraz i arkhheologiya pechenegov [Image and archeology of the Pechenegs]. *Stratum plus*, 2013, no. 5, p. 12.
11. Neiß M., Wärmländer S., Sholts S. 3D-laserskanning som verktyg vid vikingatidsstudier. *Viking. Norsk arkeologisk årbok*, 2012, b. LXXV, pp. 164, 166.
12. Uspenskiy F.B. Pod Mukhoy Pobedy. Konung Sverrir i ego znamya [Drunk On Victory. King Sverrir and his banner]. *Polystorua: Zodchie, konungi, pontifiki v srednevekovoy Evrope*. Moscow, 2017, p. 87.
13. Kulakov V.I. Podveska s geraldicheskoy figuroy iz pogr. K31 mogil'nika Klyayne Kaup (poluostrov Sambiya) [Pendant with heraldic figure from K31 Kleine Kaup burial (Sambia Peninsula)]. *Stratum plus*, 2012, no. 5, p. 292.
14. Kulakov V.I. Prussy (V—XIII vv.) [Prussians]. Moscow, 1994, p. 154.
15. Sokolov M.V., Sokolova M.S. Dekoratивно-прикладное искусство [Arts and crafts]. Moscow, 2013, p. 94.
16. Radchuk E. Sekrety russkikh narodnykh obryadov, odezhd'y i domashney utvari [Secrets of Russian folk rituals, clothing and household utensils]. Moscow, 2017, p. 7.
17. Elkina A.K. Istoricheskie i teoreticheskie printsipy postroeniya pletenogo ornamenta [Historical and theoretical principles of braided ornament construction]. *Khudozhestvennoe nasledie*, 1983, no. 8(38). Available at: <http://art-con.ru/node/2982> (accessed: 01.06.2019).
18. Kulakov V.I., Syrovatko A.S., Horseshoe-shaped Fibulas with cubic Terminals in Scandinavia, the Baltic and the Moscow Region. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, 2006, jg. 36, h. 4, pp. 591-597, abb. 4.
19. Kulakov V.I. Drevnosti prussov VI—XIII vv. [Antiquities of the Prussians of the VI-XIII centuries]. *Svod arkhheologicheskikh istochnikov*, iss. G1-9. Moscow, 1990, tabl. LXX.
20. Beletskiy S.V. Novye nakhodki geraldicheskikh podvesok X—XI vv. [New findings of heraldic pendants of the X—XI centuries]. *Stratum plus*, 2015, no. 6, pp. 215-230, pic. 2. kat. no. 146, 158, 162.
21. Shpilev A.G. Ukrasheniya kruga "skandinavskikh drevnostey" iz Kurskoy oblasti [Decorations of the circle of "Scandinavian antiquities" from Kursk region]. *Proc. of "Srednevekovyy gorod Yugo-Vostoka Rusi: predposylki vozniknoveniya, evolyutsiya, material'naya kul'tura"*. Kursk, 2009, pp. 232-250, pic. 2, 6.
22. Kulakov V.I., Markowets M.Yi. Birds as Companions of Germanic Gods and Heroes. *Acta Archaeologica*, 2004, vol. 75, pp. 179-188, fig. 3, 5.
23. La Baume W. Zur Technik der Verziehrung ostpreußischer Waffen der Wikingerzeit. *Alt-Preußen*, 1941, 6 jg, h. 2, pp. 22-29, abb. 2, 3b.
24. Kulakov V.I. Varyanty ikonografii Odina i Peruna / Perkuno [Variants of Odin and Perun/Percuno iconography]. *Rossiyskaya arkhheologiya*, 2003, no. 1, pp. 60-71, pic. 1.
25. Kulakov V.I. Otchet o raskopkakh i razvedkakh, provedennykh Baltiyskim otryadom IA RAN v 2010 g. na kurgannom mogil'nike Mokhovoe, raspolozhennom v lesnom urochishche Kaup (g. Zelenogradsk Kaliningradskoy obl.) (Arkhir IA RAN) [Report on excavations

- and explorations carried out by the Baltic detachment of IA RAS in 2010 on the Mokhovoe burial site, located in the forest tract of Kaup].
26. Kulakov V.I. Reznaya kost' mogil'nika Malyy Kaup [Carved bone of the Kleine Kaup burial site]. Gistarychna-arkheologichny zbornik, iss. 30. Minsk, 2015, pp. 284-292. Ris. 4, 9.
 27. Kulakov V.I. Basma v iskusstve baltov [Basma in the art of the Balts]. Res Humanitariae, 2017, vol. XXII, pp. 104-124, pic. 4.
 28. Shiroukhov R.A. Importy drevnerusskikh tipov na territorii prussov v X/XI—XIV vv. [Imports of old Russian types on the territory of the Prussians in the X/XI—XIV centuries]. In: Leont'ev A.E., Makarov N.A., eds. Rus' v XI—XII vv. Obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura. Vologda, 2012, pp. 386-412, pic. 5,1.

Kulakov V.I. The braided ornament in the antiquities of Prussia. In the article, for the first time in the domestic science, one of the variants of the Prussian ornament, represented by an oblique weave, is considered. It appears on the ornaments in the VI century and lives to the end of the Viking Age. The braided ornament was already firmly forgotten and absent on the Prussian masters' creations of the XIV century. The analysis of the Prussian wicker ornament in the article allows us to briefly describe the history of its development: The first in the antiquity of Prussia specimens of wicker ornament are represented on the imported fittings of the drinking horns of the second floor. VII century. Somewhat earlier such a decor appears on the finger brooches like Wolfskehlen in the west of Mazury. In the antiquities of Sambia, the 10th century presented horseshoe fibulae of imported origin, the arcs of which are decorated with an oblique decor. Judging by the finding of these fasteners in the Scandinavian barrows of the Kaup cemetery, such an ornament was not used by the Prussians. For the first time proper Prussian wicker images (not ornamental strips, but single figures) appear in ser. X century. on horse headband suspensions. These artifacts can be considered the first military signs of Europe, denoting the ownership of their owners to the local squad. The main sign of the Prussian "weave", imitating the Scandinavian figures, made in the style of the Elling — a single knot. In the XI century. the archaeological material of Sambia makes it possible to assume the presence on the Amber Bank at the final stage of the Viking Age as Scandinavian masters who made products with multi-node "braid", and Prussian jewelers who adhered to making wicker compositions of the local "one-tree" tradition. In the XII century. the production of woven compositions by Prussian (and Scandinavian) masters in the southeastern Baltic region ceases.

As a result, it should be recognized that the creation of wicker ornaments in Prussian decorative art is a constant influence of Scandinavian traditions. With the termination of contacts between the population of the northern and southern shores of the Baltic after the Viking Age, attempts by Prussian masters to imitate socially and artistically prestigious Scandinavian ornaments are no longer relevant. Scandinavian motifs in the Prussian artistic tradition (perhaps, with the exception of the methods of plating metal products) disappear. By the way, the same tendency is seen in the example of Prussian derivatives of the Scandinavian militaria.

Keywords: the Baltics, the era of the Great Migration of Nations, the Viking Age, the Prussians, the Ornament.

Сведения об авторе. Владимир Иванович Кулаков — доктор исторических наук (археология — 07.00.06); Институт археологии РАН; drkulakov@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.08.2019. Принята к публикации 30.08.2019.